

ОДИНОКИЙ ГОЛОС

Эд. ПОЛЯНОВСКИЙ, «Известия»

ПОЛИТИКА безжалостно подминает под себя все вокруг, иссушает главное — душу.

В воскресенье, 21 марта, в день очередной политической сечи дикторы всех телевизионных каналов, прощаясь, успокаивали растревоженных телезрителей: «Давайте соблюдать спокойствие. Жизнь продолжается».

Продолжается? Вот и показали бы на экране старого человека, живущего в Магадане, сказали бы:

— Сегодня исполнилось 90 лет выдающемуся русскому певцу Вадиму Козину.

Миллионы людей, уставших от страстей, улыбнулись бы.

Нет, опять не коснулись этого имени.

Когда-то было нельзя. Потом — можно, но опасались. Теперь — не до него.

Его прежние юбилеи хоть и проходили на краю земли, как бы в полуподполье и полумраке, все же всегда были озарены верностью со товарищей и поклонников.

«Дорогой Вадим, сердечно поздравляю и желаю вам всего самого наилучшего, ваш Леонид Утесов».

«Поздравляю вас...» Клавдия Шульженко, сестры Есенина, дочь Шалапина, командир крейсера «Аврора»...

На этот раз в Магадан отправилась чествовать певца группа знаменитых артистов из Москвы. «Грамота».

Центральный штаб трудового соревнования Севвостлагерей Дальстроя МВД СССР выдает настоящую грамоту Козину Ва-

диму Алексеевичу, солисту Центральной культбригады Маглага за творческое мастерство и активное участие в организации художественной самодельности лагерей.

Зам. начальника Дальстроя, начальник Севвостлагерей генерал-майор Титов.

Начальник культурно-воспитательного отдела Севвостлагерей лейтенант Цундер.

9 апреля 1946 г. Магадан. ...Конвой строем выводил их из барачков. На развилке оставались, выкрикивали несколько человек, которым — налево; остальным — вперед.

Вперед — на лесозаготовки, налево — в клуб.

Он здесь уже полвека. Привык.

РОДИЛСЯ в Петербурге в купеческой семье. Мать — цыганка, пела в хоре. Гости в семье были Анастасия Вьяльцева, Надежда Плевицкая. Вадим — единственный мальчик в семье, которого окружали семь сестер, все — младшие.

Сначала выходил на сцену рабочего клуба, затем пел перед вечерними сеансами, в лучших кинотеатрах Ленинграда. «Мой костер», «Дружба» («Когда простым и нежным взором»), «Любушка», «Забывтое танго» — эти его песни распевали по всей стране. «Осень» еще не была записана на пластинку, а толпы уже осаждали магазины.

Перед войной пластинки сдавали как сырье для оборонной промышленности. На пластинках же Козина ставился штамп: «Продажа не подлежит. Обменный фонд». Это значит, чтобы ку-

пить пластинку Козина, нужно было сдать пять других битых пластинок да плюс заплатить за козинскую вдвое дороже. Целые пластинки в обмен не принимали, тут же о прилавок и разбивали. Вадим Козин долго был единственным, кто не подлежал продаже. Лишь года через два к нему добавили Изабеллу Юрьеву, Утесова, Русланову, Шульженку и Хенкина.

Он заработал для страны денег больше, чем кто-либо. Кто еще? Утесов? Но тому надо было содержать оркестр, а у Козина — гитарист или пианист. Ему аккомпанировал гитарист, еще работавший с Варей Паниной.

Власть Вадима Козина была гипнотической.

Лет шесть назад, узнав, что певец жив, я стал собирать эти свидетельства.

Лидия Васильевна Поникарова, москвичка:

— Я, пятнадцатилетняя девчонка, сэкономила деньги на школьных завтраках. 15 дней не позавтракаю — билет на Козина. Он останавливался в лучших московских гостиницах, а шил ему лучший московский мастер. На сцену выходит — вся сцена сразу освещается, а на пиджаке — бриллиантовая звезда. О, как же мы все были влюблены в него! Но подойти к нему — что вы, мы же слушали его, как Бога. Мы с подружкой поехали на его концерт в Орехово-Зуево. После концерта начался ливень, Вадим Алексеевич увидел нас, улыбнулся: «Садитесь» — и довез до Москвы. А в начале войны я на продовольственную карточку вместо сахара купила конфеты «Мишка» — шесть штук, сказала маме: «Артистам сейчас тоже плохо» и отправила

Вадиму Алексеевичу. Я ушла на фронт госпитальной сестрой.

Сергей Павлович Петров, москвич, тоже прошел войну, под Оршей был тяжело ранен в голову и в живот, но и после госпиталя гнал врага до границы:

— Я Козина услышал в 12 лет. С тех пор потерял покой. Это какой-то слуховой гипноз, я думаю — может, благодаря ему и жив остался. Ведь я пел, и мне жить хотелось.

В войну, в один из дней знаменитой Тегеранской конференции, у Черчилля был день рождения. По этому случаю сын Черчилля собирал на концерт лучших певцов мира.

— Если вы сочтете нужным пригласить кого-то из наших певцов, мы готовы... — предложил Сталин.

В ответ было названо имя Козина, который уже сидел в лагере. Сталин выразил неудовольствие, но согласился: «Я обещал...».

Под конвоем его доставили из Магадана в Тегеран. После боев романсов сразу же был доставлен обратно.

В середине пятидесятых певец стал свободен во всех правах, но остался в Магадане. Областной музыкально-драматический театр прогорал в ту пору. Долги государству исчислялись миллионами. И тогда шли в барак, к певцу. Он выходил на сцену, сам садился за рояль, и переполненный зал сходил с ума! Билеты продавали даже в оркестровую яму.

Ему разрешили ездить на гастроль. Невообразимо, но факт: он (один!) вытащил театр из долговой ямы.

Одновременно продолжалось

официальное забвение, записи его уничтожались.

ТОГДА ЖЕ шесть лет назад, я побывал у него в Магадане. Пришли лучше фотографии, какая ты теперь». Она ему — снова конфеты. «Фотографию — сегодняшнюю», — снова приносит он.

Он надевает старенький пиджак, порванный под мышками, с едва держащимся воротничком, такой же плащ, и мы идем с ним в магазин сдавать бутылки изпод молока. Старик берет хлеб, масло. Продавщица протягивает ему сдачу — мелочь, старый петербургский аристократ гордо отворачивается и идет к выходу.

За ним ухаживала соседка — Зинаида Веретнова.

Как я надеялся тогда, что напишу о нем, «Известия» опубликуют, партийные и советские чиновники ахнут: Как же — жив! И такой бедный! И все обрывается. Ведь они, большие чиновники, каждый поодиночке очень любят Козина.

Я, наивный, узнал с опозданием, что главный магаданский гонитель певца теперь в Москве и заведует в ЦК КПСС как раз печатью.

ОН и выжил, и дожил до 90 лет во многом благодаря своим поклонникам. Без них — кто он и что он? Все эти полвека они поддерживали его не только морально. Со всей страны в Магадан шли посылки с шерстяными носками, рубашками, лекарствами, фруктами. Он отвечал: «Спасибо, не надо, у меня все есть». Упомянутый Сергей Павлович Петров прислал ему новый магнитофон. А упомянутая Лидия Васильевна Поникарова отправляла регулярно конфеты, печенье, чай, кофе. Он не видел ее с тех пор, как под-

возил ее, пятнадцатилетнюю, из Орехово-Зуева в Москву. Он и ей написал: «Не надо мне ничего. Пришли лучше фотографию, какая ты теперь». Она ему — снова конфеты. «Фотографию — сегодняшнюю», — снова приносит он.

Она прислала, наконец, и он увидел — молоденькую медсестру фронтowego госпиталя.

У нынешних эстрадных певцов никогда не будет таких поклонников. Потому что мода изменчива, самые шумные и слепые поклонники своих кумиров — самые неверные. Завтра у них будут новые идолы.

БРИГАДА журналистов «Горького» приехала к Сергею Павловичу Петрову, чтобы записать его воспоминания о Козине. Они вошли в квартиру и увидели гроб.

Он так и не дождался моей публикации о своем кумире. Очерк «Певец» был опубликован в «Неделе» позже — в 1990 году, в эти мартовские дни.

Теперь, воспроизводя многое из того очерка, я позвонил — буквально вчера — Лидии Васильевне Поникаровой.

— Мама умерла, — ответил женский голос. 30 августа уснула и не проснулась. На следующий день ей исполнилось бы 66 лет.

Я звоню среди ночи в Магадан Зинаиде Веретновой.

— Мама жива-здоровая, но уехала на материк. Насовсем. — Кто же ухаживает теперь за Вадимом Алексеевичем?

— Пенсионерка одна. Из Караганды. Она там клуб организовала — почитателей Козина. Потом приехала сюда, увидела его и осталась. Дина Акимовна, а

фамилию не знаю. Она очень хорошая женщина, бескорыстная. Она — и в магазин, и постирать, и приготовить. Вадим Алексеевич ведь уже не выходит на улицу. Иногда, очень редко, спустится вниз, постоит у подъезда, воздухом подышит и опять поднимается — к себе, на четвертый этаж. Но обычно — просто у окна, у форточки дышит.

Не стоит село без праведника. Государство, Россия — да, стоит, качается многие лета. А село — всегда найдется бескорыстный, кто выручит.

КРОМЕ почетных грамот и благодарностей, других наград у него нет, званий — тоже. Рядовые поклонники старой эстрады хлопотали перед Мини-

стерством культуры, чтобы присвоить звание народных артистов Вадиму Козину и Изабелле Юрьевой. Это было еще при том министре, который призывал демократов не выходить на улицу и на столе у которого красовалась фотография Генерального секретаря ЦК КПСС с супругой. Хлопоты были долгие. В итоге ей, Изабелле Юрьевой, все-таки звание присвоили, а Вадиму Козину — нет. Может быть, еще не пришло время? Все же ей, когда присвоили, исполнилось 93 года, а ему еще только 90.

В России надо жить очень долго, чтобы быть оцененным при жизни.

Фото Михаила ЧЕПЕЛОВА.